

Национализм

(Конспективная запись доклада Г.П. Федотова)

Национализм и коммунизм - две острые болезни, разделяющие современную европейскую культуру, уже и без того тяжело больную капитализмом. Национализм, быть может, болезнь даже более опасная, чем коммунизм. Коммунизм после русского опыта начинает терять очарование, коммунистическая волна спадает и, м(ожет) б(ыть), недалеко уже час заката коммунизма. Национализм - наоборот - все растет и грозит рядом новых губительных войн. Мир задыхается в отравленной атмосфере социальных и национальных страстей, особенно - национальных. Многим из нас такая характеристика национализма может показаться странной. Мы привыкли со словом «нация» соединять мысль о России, привыкли в слово «нация» влагать священное и даже религиозное содержание, привыкли воспринимать нацию, как святыню. Нам кажется невозможным, чтобы почитаемое нами священным, могло быть греховным и в греховности - опасным. Но нужно помнить, что все в мире прекрасное, доброе, возвышенное, но не абсолютное, всегда может из положительного превратиться в отрицательное и разрушительное. Ведь и коммунизм, в своем стремлении к общей жизни, в утверждении ее правды имеет искаженные черты положительного идеала, выросшего из христианства. Коммунистический идеал, именно как идеал христианской жизни, был осуществлен христианством в первой Иерусалимской церкви, и позднее - в монашеских братствах общежительных монастырей. Эта идея, возникшая на почве христианства, и для него существенная, в наши дни дожила до дьявольского вырождения в атеистическом коммунизме. И всякая духовная ценность, утверждающая себя изолированно от всей системы ценностей, обращающаяся против ценности Духа, становится началом разрушительным. Такова судьба всех «средних» - не абсолютных ценностей. Они двусмысленны. Многие в истории объявлялись священным: семья, известные «принципы», собственность, нация. Но кто станет в наши дни говорить о священной собственности? Теперь пришло время пересмотреть вопрос и о «священности» нации. В нации есть, несомненно, и нечто божественное, но оно так смешано с вещами земными и даже сатанинскими, что тут необходимо действие меча Христова, рассекающего надвое, отделяющее относительное, земное и грешное от абсолютного и вечного.

Нация воспринимается нами обычно, как нечто исконно сущее, или сотворимое из недр народа, как вечной иррациональной сущности. В действительности нации возникают, как результат совпадения двух величин - государства и культуры. Это совпадение не всегда осуществляется в истории. Ошибочно полагать, что в основе нации лежит народ. Народ, т.е. - этнографическая группа, становится народом в национальном государстве. Если мы обратимся к русской истории, наиболее нам близкой, мы можем проследить процесс рождения новой нации. Первоначально существуют

только этнографические единицы - многочисленные славянские племена - вятичи, кривичи, радимичи, древляне, поляне и т.д. Из тех же самых или почти тождественных элементов могли возникнуть и возникли, как русская, так и польская народности. Водораздел между близкими этнографическими образованиями проходит по линии национальных культур, связанных одна (русская) с Византией и ее культурным греческим наследием, другая - (польская) - с Римом и Западным католичеством. И именно это различие культур, обросшее своеобразием многочисленных географических, экономических, политических и этнографических (конечно), условий определило различие двух наций, а не самый этнографический состав, более или менее однородный для Польши и для России.

Связь культуры с государством создает почву и возможности для образования национального единства. Историческая память о славе и страданиях предков, общность политической судьбы существенны для всякого национального сознания. Образование национального сознания нельзя мыслить вне государства. Если и существовали нации без государственного единства (еврейская, в недавнем прошлом, - польская, чешская), то и они некогда имели свое государство. Но и государство само по себе не может вызвать к жизни нацию - оно говорит языком гражданского долга, принуждения, и не знает языка сердца, который говорит всего громче в национальном сознании.

Но прежде, чем идти дальше, необходимо дать себе полный отчет в том, что национальный характер культуры, как и само национальное сознание не является, чем-то постоянным в истории. Есть культуры национальные, но есть и культуры сверхнациональные, общие для целого ряда народов, живущих в разных государствах или универсальные (вселенские) по своему принципу. Сверхнациональные культуры далеки от нашего поля зрения, людей воспитанных на идеях XIX века. Однако, по своему историческому значению они оказываются более значительными. Такова, например, культура римская. Содержание римской культуры эллинистическое, - дано Грецией, которая не была никогда единым государственным образованием. Рим дал государственное единство эллинизму, как культуре, но не создал своей особой культуры. Римская культура не имеет даже единого языка: она до последних дней империи была культурой двуязычной - греко-латинской. Она по-разному окрашена на Западе и на Востоке, но никогда не была национальной, как не была национальной (в смысле латинской или итальянской) и Римская Империя - и та, и другая были сверхнациональны.

Сверхнациональна и арабская культура, построенная на чисто религиозной основе. Арабский священный язык и некогда общеримское (по идее - мировое) единство калифата лежит в истоках множества мусульманских государств, разноплеменных и разноязычных. Стил арабской культуры столь характерен, что мы узнаем его по малейшей вещице - насечке на оружии, узору на кувшине, - но он ни в какой мере не зависит от национальных моментов - он един и в Азии, и в Европе, и в

Африке. Мусульмане Индии и берберы в Африке, по языку и крови чуждые друг другу, не имеющие, быть может, понятия друг о друге, тем не менее принадлежат к одной и той же культуре Ислама.

Возьмем средневековое христианство. Разделение Церквей разорвало христианский мир на две половины, но ни Западная христианская культура, ни Восточная не являются национальными. Обе они, хотя и по-разному, были культурами мировыми, сверхнациональными. Культурное единство Запада осуществлялось поверх государственных и национальных границ: язык Церкви и образованных классов, латинская литература, наука, искусство были общими для всех народов Европы. Политическое единство христианства признавалось, по крайней мере, в принципе. Культурное - сверхнациональное и сверхгосударственное - единство западного мира существовало тысячелетия, пока национальные государства и культуры, начавшие оформляться с эпохи Возрождения, не разорвали его. Те же черты универсализма, сверхнационализма характеризуют и культуру Византии. Мы часто впадаем в невольную ошибку, воспринимая Византийскую культуру, как культуру греческую. Византия мыслила себя именно, как нечто универсальное, вселенское. Византийская империя сознавала и называла себя империей Римской, предназначенной объять вселенную, была по своему сознанию ойкуменической (ойкумена-вселенная). Император именовался вселенским, Патриарх Константинопольский носил и носит до сих пор титул Вселенского - все православные народы - по идее - должны быть под единым скипетром, под единой властью. Если Запад и отложился, то это именно отложение, бунт, нечто не должное. Русские княжества в глазах Византии были вассальные княжества, части единой православной Римской империи. До самого падения Византии ее императоры смотрели на русских князей именно, как на своих вассалов.

Даже и после распада средневекового христианского единства, в новые столетия истории, - при полной обособленности «национальных» государств, культура долго остается в существенных чертах сверхнациональной.

Культура Ренессанса, по своему происхождению, как будто, национальная, сформированная в Италии в XV-XVI веках, по своему духу и устремленности типически универсалистическая: она не признает национальных языков, национальных особенностей, с трудом уступает им, сохраняет значение двух универсальных языков древности - греческого и латинского.

Чем ближе к новому времени, тем сильнее проявление национальных моментов. Но XVIII век - весь универсален. Только латинский язык уступил свое первенство французскому, ставшему общекультурным языком. В Германии Фридрих Великий пишет по-французски, в России - люди, принадлежащие к культурному слою, легче объясняются по-французски, чем по-русски, часто не в состоянии написать по-русски простого письма.

Сверхнациональным, универсалистическим культурам в истории противостоят и значительные национальные культуры, где государственное единство совпадает с культурным - таковы культуры Египта, Китая -

культуры самодовлеющие, изолированные; к национальному же типу тяготеют и новейшие фазы культурного развития европейских народов - с начала XIX века.

Древняя Русь, особенно Московское царство XVI-XVII вв. является образцом национальной, изолированной культуры. Византийский универсализм не мог не оказать на нее своего влияния, но это влияние не стало определяющим. И Московское царство мыслилось единым и единственным православным царством, но уже без того характера вселенскости, как это было в Византии. Мысль о Московском царстве, как едином православном государстве, о Московском царе, как едином «белом», «православном» государе, проникла и в народные массы, но никогда не получила ни того содержания, ни того распространения, как в Византии.

Что касается Русской империи, то в XVIII веке она с трудом может быть названа «национальной». Даже в XIX веке она продолжает еще жить идеалами империи, осуществляющей обще-гуманистические, отнюдь не национальные идеалы. Для сановной и литературной интеллигенции, близкой ко двору, ясен был этот универсальный, а не национальный характер империи. Достаточно вспомнить ту роль, какую играли восточные мотивы в имперских одах Державина, чтобы почувствовать этот дух универсального призвания, каким жила Русская империя в XVIII веке. Есть своего рода щегольство в постоянных напоминаниях об ордах кочевников, «киргиз-кайсаков», о множестве племен и наречий, объединенных под сенью Державы Российской - все эти национальности входят в состав империи, все пользуются ее благами, являются ее сынами. И в первой половине XIX века, даже при Николае Павловиче, трудно говорить о Российской империи, как национально-русской. Всюду сильное влияние германизма, так называемое, впоследствии «засилие немцев», налагающее отпечаток на всю, особенно административную и научную жизнь империи. «Национальной» Российская империя начинает становиться только со второй половины XIX века, сначала в связи с развитием демократизма, в эпоху реформ императора Александра II, потом, - обратно, - в силу националистической реакции при императоре Александре III, реставрируется идея московского царства, и политика империи приобретает остро-национальный характер. И немедленно - исчезновение духа универсализма порождает ряд явлений, угрожающих единству и цельности империи. Господство национально-русских и, частнее - великорусских мотивов - и подавление «меньшинств» приводит к осознанию противоположностей между нациями и империей. Возникают и быстро начинают расти всевозможные сепаратизмы, единство империи подвергается серьезной опасности. Отказ от универсализма, определение Российской империи, как великорусской подготовили тот разлив национальных «самоопределений», который с такой силой сказался в эпоху революции. Большевизм зажал эти процессы в железный кулак, но на следующий день после падения большевизма они скажутся с огромной центробежной силой.

Итак, наш исторический обзор, по меньшей мере, не даст основания для торжества национализма в философии культуры. История не решает

вопроса о том, какие культуры значительнее, духовно ценнее: национальные или сверхнациональные.

Перенесем вопрос на религиозную почву. И здесь придется констатировать известную двойственность в оценке значения национального момента. С точки зрения христианства «вера и отечество» - сочетание совсем не исконное, можно даже сказать очень недавнее. Христианство вошло в мир, как религия универсальная. Основоположными в этом отношении являются слова апостола Павла - «Нет уже ни иудея, ни язычника, нет ни раба, ни свободного, нет ни мужеского пола, ни женского, ибо все одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28).

В Церкви Христовой национальная рознь мыслится преодоленной и напрасно было бы в Евангелии или вообще в Новом Завете искать оправдания национальности или национальной культуры. И в позднейшее время Церковь, уже свободная, уже господствующая, живя в рамках Римской империи, не содействует специально пробуждению национального сознания, но воспитывает его. С Константина Великого Церковь связала свое внешнее бытие с государством, но совсем не мыслит этого государства, как государства национального. Государство это должно быть православным. Оно должно защищать Церковь, содействовать ее распространению, обеспечить для нее возможность мирного беспрепятственного развития, - так определяет Церковь содержание своей связи с государством и в этом смысле благословляет государство. Благословения национальной стихии в этом еще нет. История древней Церкви свидетельствует о том, что обострение национального сознания приводит часто к расколам и ересям, так было, например, при развитии монофизитства. Национальный сепаратизм Египта и Сирии при возникновении монофизитства принял его, как форму своей национальной религии, противопоставив ее единству христианского мира. Отпадение от Церкви Востока совершилось под действием национальных мотивов.

На Западе и до наших дней католическая Церковь сохраняет древнюю универсалистическую установку. Конечно, ее епископы и священники могут оказаться в плену у национальных страстей, могут проклинать католиков другой национальности, но Рим хранит позицию сверхнационального центра, и в известные моменты призывает таких увлекшихся пастырей к ответственности...

Но здесь мы, православные, ощущаем, что не все благополучно в этом вопросе о вселенском католицизме Рима. Современный универсализм Рима, несмотря на то, что он является несомненным источником его организационной силы, мы воспринимаем, как известную дефективность, как известную слабость сознания католической Церкви, не понимающей религиозного смысла национальных различий.

На почве восточного православия - правда в позднейшие века его жизни, мы находим иное отношение к национальной проблеме.

В истории младших национальных церквей, особенно русской, мы наблюдаем рождение национальной идеи на православной почве. Уже в XI

веке Нестор Летописец размышляет о религиозной судьбе и призвании русского народа. Последним из крещенных народов, как работники 11-го часа, мы вступили в Церковь Христову и вот уже новые наши святые - Борис и Глеб, «отняли поношение от сынов русских». Они и становятся небесными покровителями новой Русской Церкви.

В этих словах мы встречаемся с иным пониманием единства Церкви, чем в Византии: вселенское тело Церкви слагается из национальных единств. Отрицательно это новое сознание сказалось в борьбе за назначение для русской Церкви епископов русской национальности, положительно, - в выработке сознания о религиозном призвании каждой нации: Бог на каждый из народов возложил особую религиозную задачу.

Идея - чуждая греческому сознанию. Чем определяется это религиозно-национальное содержание идеи народа, - в слове выразить трудно. В Древней Руси эта идея приобретает свой конкретный смысл в особенностях русской иконописи, в моральном складе, в типах святости. Эта национальная идея сдержанная, благородная в Киеве и в северном средневековье, - становится нескромно-торжествующей в Москве, которая на развалинах Византии делается почти единственным православным государством в мире. Здесь эта идея переходит уже должные границы и позволяет московскому человеку говорить на языке, странно напоминающем империализм Рима, говорить о «святой, соборной и апостольской церкви Успения Богородицы в Москве». За этим гордым самомнением, конечно, стоит историческая правда (верность православию), но она получает незаконное и несправедливое выражение по отношению, например, к грекам, которые кажутся уже Москве подозрительными, впадшими в ересь. В конце концов, эта гордыня при попытке церковных исправлений приводит к возникновению раскола внутри самой русской Церкви. Создавшаяся изолированность русской культуры и от византийских и от западных влияний оканчивается склерозом русской культуры. Из этого состояния ее выводит неизбежная, но жестокая ломка ее костенеющих форм, совершенная Петром I.

Аналогично Русской Церкви национальные самосознания пробуждались и в других малых (напр(имер), славянских) церквях Востока. И здесь это пробуждение часто искажалось национальной гордостью и враждой. В наши дни эта болезнь особенно тяжело поражает церковные организмы православного Востока. Но искажения и уродства не должны закрывать от нас и внутреннюю правду идеи. В чем же эта правда национальной идеи в христианстве, столь поздно раскрытая и столь легко искажаемая?

Идея нации, как идея особого религиозного призвания, укоренена в идее христианской личности. В христианстве личность дана в соборном коллективе (в Церкви), подчиняется ему, но в то же время она, - самостоятельная ценность, самоценность. Она за все несет личную ответственность, имеет свое призвание, осуществляет только ей данную цель, она имеет свое имя, она не может быть растворена в коллективе, отменена им... Нет двух святых совпадающих один с другим в своем духовном облике,

несмотря на обычное стремление святых к самоуничтожению, к осуществлению общей формы святости.

То, что верно в отношении индивидуальной личности, верно и в отношении коллективной личности - нации. Для осуществления полноты Христовой необходима дифференциация даров и призваний, ибо осуществить эту полноту не дано ни отдельной личности, ни отдельной группе, - коллективной личности. Каждый в отдельности - личность и нация, - может осуществить только одну из сторон Божественной абсолютной полноты.

Христианство оправдывает и личное, и культурное творчество, но вместе с тем и ограничивает его, подчиняя абсолютным началам. Нельзя сказать, что Христос разрушает любовь, семью, личную жизнь, хотя Он и говорит строгие слова: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матф. 10, 37).

Это не разрушение земных связей, а их преображение, установление иной иерархии ценностей, подчинение всего основному началу любви Христовой. Смысл этих слов тот, что всех родных и близких можно и должно любить только во Христе. Нацию, народ тоже следует любить во Христе, любить в свете духовной личности народа, в которой должен отпечатлеться Лик Христов, - но может отпечатлеться и другой лик. Когда народ живет полнотой религиозной христианской жизни, он просветляется и лик Христов светится в нем; так светился он в личности русского народа в лучшие эпохи русской истории, когда можно было говорить о святой Руси.

В свете Христова учения современный обостренный национализм (особенно расизм), являются ничем иным, как возрожденным язычеством.

В национализме нация мыслится последней абсолютной ценностью. Нация возвеличивается не за ее духовное содержание, а за ее материальную силу и мощь. В нации больше любят ее тело, чем дух, а если дух, то совсем не просветленный христианством, а как демонический дух. Особенно это сказывается в расизме, подставляющем вместо нации неодухотворенную этнографическую величину, - расу - начало полуживотной жизни, начало плоти и крови. При всем огромном значении, какое плоть и кровь имеют для нас, при всей нашей интимной связанности с ними, совершенно бессмысленно строить на этой основе культуру. К тому же историк знает, что не только нет чистых рас, но что, как раз расы смешанной крови, нередко создают наиболее творческие, значительные культуры.

Мы, русские, особенно должны это знать и чувствовать. Можно сказать, что чистого типа славянской расы сейчас нет. Может быть еще поляки, - и то до известной степени, - могут считаться чистым типом славянства. Что же касается русских, особенно - великороссов, то в жилах их течет громадная примесь финской и монгольской крови.

Если проследить генеалогию выдающихся русских людей, почти всюду найдем примесь нерусской крови: Тургенев, Карамзин, Державин напоминают о татарах. В Пушкине примесь негритянской крови настолько явная и сильная, что современные негры чтут Пушкина, как представителя

своей расы, украшают в Африке его портретами свои дома. Немцы, которые сейчас так дорожат «чистотой крови» - выросли на славянском и литовском корне. Пространство к востоку от Эльбы, населенное «немецкой расой», не так еще давно было населено славянскими племенами.

Мало сказать, что теория расизма не имеет для себя исторической почвы. Она бессмысленна по самой цели, ибо цель культуры совсем не однообразие и однотонность. Даже в пределах одной нации нужно стремиться к возможному полифонизму, единству в многообразии.

В национальном творчестве, как и во всей жизни, нужны сочетание и борьба противоположностей, чтобы родилось высшее единство.

Но с точки зрения религиозной и христианской все эмпирические, природные данности тела и крови вообще не могут быть последней ценностью. Материя (плоть и кровь) должна быть одухотворена, а одухотворение не вырастает из плоти и крови, оно дается Христом, обусловлено преемством непрерывного наследия христианской культуры.

Вспышка национализма, характеризующего нашу эпоху - есть признак упадка, кризиса, конца какого-то исторического периода. В этой вспышке мы встречаемся со странным парадоксом, может быть, наиболее парадоксальным явлением нашего времени.

Европейские нации живут повышенным национальным чувством в то время, как культурные содержания, которыми живут они, становятся все более и более интернациональными. Особенно интернациональны те культурные содержания, которыми живет молодежь наиболее захваченная волной острого национализма.

Техника, увлечение которой так характерно для молодежи всех стран, - принадлежит всецело к сфере интернациональной; спорт совершенно интернационален и постоянное интернациональное общение является одним из условий спорта. Современное хозяйство, несмотря на все попытки национальных политиков замкнуть его в пределах той или другой национальной единицы, было и остается сверхнациональным. Экономические затруднения отдельных национальных хозяйств, как и их преуспевания, приводят к интернациональному хаосу, от которого не спасает никакая хозяйственная изолированность. Попытки лечить кризис «национальными мерами» - повышением таможенных ставок, запрещением вывозить валюту и т.д. создает положение длительной экономической войны и только безнадежно запутывает положение. Разрешение может быть найдено в интернациональном соглашении подчинить частные интересы национальных хозяйств единому сверхнациональному общему плану.

При этой интернациональности культурных содержаний и сверхнациональности хозяйственных интересов, народы Европы тем не менее стремятся к обострению национального чувства, воспитывают его. Юношество призывается к готовности умереть за отечество, но духовные содержания, которыми живут разные отечества, духовные образы отечества почти тождественны для всех изолирующихся государственных единиц. Ценности старые, обуславливающие некогда особый национальный облик

культуры, создававшие действительно реальные различия между нациями - забыты. Одинаково мыслящие, волящие, чувствующие, одинаково трудящиеся и развлекающиеся люди живут в состоянии разобщающей игры национальных страстей и во имя их готовы взорвать и самую культуру. Создается, действительно, огромное несоответствие, странный парадокс.

Национализм стал голой формой, в которой кипят страсти. Национализм не система ценностей, а система страстей. В таком виде он является только разрушительной силой, и если Европа не сумеет преодолеть этого кипения страстей - она погибла.

Положение России несколько иное. Господство большевизма должно привести к положительной национальной реакции, - ряд ценностей культурных, религиозных, погрязших и разрушенных большевизмом, должен быть восстановлен. Русская культурная идея не изжила себя, ее развитие было насильственно прервано и приостановлено.

То, что Европа пережила в эпоху романтизма, Россия со всей силой начала переживать перед самой войной. В эти годы национальное сознание ощутило своеобразие и ценность нашего древнего искусства, наших религиозных традиций, восприняло их, как живую и животворящую силу. Россия только что подходила к расцвету своей национальной культуры. Эта неисчерпанность содержания русской культуры оправдывает и питает законность русского национального чувства. Но политически русский национализм представляет огромную опасность для Бытия России. Россия - не однородное национальное целое. Великороссы в нем только половина национального целого. Спасти Россию от распада может лишь ограничение великорусского национального чувства сверхвеликорусским и даже сверхрусским национальным сознанием. Если Россия будет подлинно «своим домом» для всех народов, входящих в состав ее, она снова может быть великой и цельной, - в противном случае ей грозит окончательное распадение.

Национальное сознание - огромная ценность, но вместе с тем и огромная опасность. Национальное сознание должно постоянно воспитывать, очищать, облагораживать, в голом виде оно не созидает, а разрушает.

С точки зрения христианского сознания, национальное чувство должно быть подчинено высшей религиозной задаче, задаче призвания России, ее религиозного служения.